

Сентенциональный уровень языка в свете теории семиозиса.

Взгляд на предложение как на законченный продукт процесса семиозиса отнюдь не нов и является одним из правомерных аспектов синтаксической теории (см., напр., [Москальская 1981, 10]). До сих пор, однако, остаются дискуссионными такие вопросы, как механизм акта семиозиса, типы семиозиса, соотношение семиозиса слова и семиозиса предложения (лексический vs. сентенциональный семиозис), как, впрочем, и само понятие семиозиса. Начнём с последнего.

Несмотря на широкую и многолетнюю практику рассмотрения явлений языка с семиотических позиций, мы с удивлением обнаружили отсутствие специальной словарной статьи, посвящённой семиозису, как в Лингвистическом энциклопедическом словаре [ЛЭС 1990], так и в Логическом словаре-справочнике Н.И. Кондакова [ЛСС 1976]. Такая лексикографическая лакуна может свидетельствовать, на наш взгляд, о двух вещах, во-первых, о том, что понятие семиозиса не является сколько-нибудь прочно отстоявшимся и закрепившимся в более или менее фиксированных рамках в соответствующих науках, а во-вторых, о том, что ни логика, ни лингвистика не считают его в полной мере своим, передоверяя его одна другой. В конкретной исследовательской практике же оказывается, что понятие семиозиса проходит по ведомству как той науки, так и другой с множеством точек соприкосновения и не всегда чёткими принципами делимитации. Связано это с тем, что феномен знака, в применении к которому развивается семиотическая теория, оказывается объектом междисциплинарным, общим для лингвистики и семиотики. Правомерной поэтому будет попытка подойти к описанию сущности языкового семиозиса через описание базовых свойств языкового знака.

Не ставя перед собой цели дать аналитический обзор всех существующих теорий языкового знака, что само по себе потребовало бы отдельной работы, ограничимся указанием лишь на некоторые наиболее принципиальные моменты. Во-первых, в противоположность унилатеральной концепции языкового знака [Солнцев 1977] нами принимается билатеральная концепция, в самом общем виде сформулированная А.В. Исаченко. Согласно ей знак есть двусторонняя сущность, состоящая из десигнатора, т.е. внешнего физического события (другие термины: законоситель, медиатор, тело знака, экспонент) и десигната, т.е. значения данного знака. Будучи внутриязыковыми сущностями, десигнатор и десигнат совместно выступают в качестве денотатора для обозначения сущностей неязыковой онтологии – денотатов [Исаченко 1961, 32]. Отношение между денотатором и денотатом принято называть денотацией.

Во-вторых, знаковая природа языка трактуется нами широко, т.е. как распространяющаяся не только на морфологический и лексический его уровни, но и на сентенциональный уровень, уровень предложения. Отметим, что в некоторых лингвистических концепциях именно предложение рассматривается в качестве полноценного знака, единицы же низлежащих уровней (морфемы, слова, синтагмы) трактуются как субзнаки, служащие строительным материалом для собственно знаков [Сыроваткин 1978, 25]. Говоря о возможности рассмотрения предложения в номинативном аспекте, т.е. по отношению к обозначаемому факту, Н.Д. Арутюнова ссылается на мнение Л. Прието и Э. Бейссанса, согласно которому полным языковым знаком является не слово или морфема, а высказывание (соответственно предложение), т.е. отнесённая к реальности единица, обладающая денотативным содержанием и представляющая собой законченный продукт семиозиса [Арутюнова 1971, 63]. О возможности выделения в предложении не только предикативного, но и номинативного (т.е. знакового по отношению к обозначаемой ситуации) аспекта пишет Е.С. Кубрякова [Кубрякова 1986]. В качестве знака ситуации рассматривает предложение и В.Г. Гак [Гак 1973].

В-третьих, будем рассматривать знак прежде всего как знак языковой, не пытаясь, подобно Ю.С. Степанову, увидеть проявление семиологических процессов как у низших форм жизни (язык животных, тропизм растений), с одной стороны, так и в области литературы, философии и искусства с другой [Степанов 1985]. Такая панзнаковость ведёт, на наш взгляд, к размыванию объекта семиологической теории, делая семиологию наукой обо всём. Напротив, вслед за В.В. Мартыновым мы склонны начинать и заканчивать семиологию там, где начинается и заканчивается естественный человеческий язык [Мартынов 1982]. Такое сужение знаковой теории необходимо лингвисту для того, чтобы он мог исследовать семиологию языка с

собственно лингвистических позиций и ориентиров, имея ввиду нежелательность растворения лингвистической теории в теории общей семиотики, как науки о всяких формах знаков и знаковых систем.

Определив основные характеристики языкового знака (билатеральность, выявляемость на различных уровнях языка, невыявляемость вне языка), представляется возможным перейти к анализу связанного с ним явления – семиозиса.

Имеющаяся лингвистическая литература позволяет сделать вывод о том, что семиозис понимается неоднозначно. Думается, есть основания говорить, по крайней мере, о двух основных точках зрения на него: 1. Семиозис есть акт обозначения языковым знаком чего-либо, лежащего вне знака; 2. Семиозис есть процесс конструирования, генезиса знака. Эти две точки зрения носят не взаимоисключающий, а взаимодополняющий характер – действительно, для того, чтобы осуществлять свою денотативную функцию, знак должен быть построен; процесс же построения знака не может не быть обусловлен телеологически, т.е. с учётом его функциональной предназначенности. И тем не менее разграничение этих двух позиций методологически правомерно, ибо позволяет высветить различные стороны семиозиса и выявить различные акценты его исследования.

Отметим, что обе выше означенные точки зрения на семиозис (условно говоря, денотативная и генетическая) приложимы к обоим основным единицам языка и основным типам языковых знаков – слову и предложению. Наиболее распространёнными и широко представленными являются денотативные концепции семиозиса лексических и синтаксических знаков (см., напр., [Арутюнова 1971; Шингарёва 1987; Ибраев 1981; Ибраев 1984] и др.). Исторически эти концепции восходят к семиотической трактовке лексического знака в духе Ч.С. Пирса и логико-истинностной трактовке синтаксического знака в духе представителей школы аналитической философии естественного языка. Гораздо менее распространёнными являются генетические концепции семиозиса, т.е. те, которые в основу подхода к знаку кладут мыслительные механизмы его образования. Одной из таких концепций может считаться, в частности, лингвистическое учение Г. Гийома, пользовавшегося при описании языкового материала такими терминами, как хроногенез, праксеогенез, морфогенез, лексигенез и др. с целью выявления динамического (кинетического) характера формирования как отдельных элементов знаковой системы языка, так и языковой системы в целом [Гийом 1992].

При анализе ментальных операций, имеющих результатом возникновение того или иного языкового знака, краеугольными понятиями терминологической системы Гийома являются оперативное время и коренной бинарный тензор. Рассмотрим их подробнее.

Оперативное время понимается как время совершения ментальных операций, ведущих к построению языкового знака в каждом конкретном речемыслительном акте и противопоставляется времени историческому, т.е. такому, в ходе которого языковая система эволюционирует, создавая потенции в каждый отдельный момент своего развития для осуществления актов мышления и речи с использованием имеющегося в наличии языкового материала [Гийом 1992, 124]. Понятие коренного бинарного тензора описывает движение мысли по оси оперативного времени в направлении от общего к частному (партикуляризация) и затем от частного к общему (универсализация) при порождении языковых знаков [там же, 119].

Приёмом описания явлений языка, фактически синтезирующим понятия оперативного времени и коренного бинарного тензора, является предложенная Гийомом методика векторного анализа. Суть её заключается в том, что всякий языковой знак рассматривается в динамике своего построения в виде векторной линии, обозначающей его развёртывание по горизонтали, и анализ этого развёртывания производится нанесением на векторную линию, представляющую языковое явление в целом, поперечных прерывающих (разделяющих) сечений [там же, 53, 11]. Каждое из таких сечений представляет собой момент перехвата мыслью языкового знака на определённом этапе его становления. При подобном динамическом подходе языковая система предстаёт как результат деятельности живого человеческого разума, находящаяся в непрерывном движении и изменении. Гийом пишет: “Действительно, всё в языке представляет собой процесс. Что же касается результатов, которые мы видим, они представляют собой, смею утверждать, не более чем иллюзию. Нет существительного, а есть в языке субстантивация, прерванная более или менее рано. Нет прилагательного, а есть адъективация, достигшая большего или меньшего развития к моменту её остановки сознанием. Нет слова, а есть чрезвычайно сложный генезис слова, или лексигенез. Нет времени, есть феномен образования образа времени, т.е. хроногенез...” [там же, 136].

Представляющим большую теоретическую ценность для целей данной статьи является постулирование Гийомом принципиальной разницы в мыслительном генезисе (в

“психогенезисе” по Гийому) словесных и сентенциональных знаков. Слово и предложение, рассматриваемые с точки зрения генерирования их человеческим сознанием, коррелируют с тремя парами противопоставленных понятий: онтогенез – праксеогенез, потенция – реализация, представление – выражение. Онтогенез, развивающийся в историческом времени (см. выше), ведёт к образованию лексических знаков, а праксеогенез, развивающийся в оперативном времени, ведёт к построению знаков сентенциональных. Практисеогенез поэтому может осуществляться лишь при условии и на базе длительного онтогенеза, создающего исходный лексемный материал для последующего операционального его использования в праксеогенезе [там же, 137]. Из этого не трудно придти к выводу о том, что словесный знак в онтогенезе создаётся, а в праксеогенезе воспроизводится; сентенциональный же знак в праксеогенезе создаётся, но может и в качестве окказионального и нехарактерного варианта воспроизводиться – в тех сравнительно редких случаях, когда предложение представляет собой фразеологизм или идиому, извлекаемую из памяти целиком, подобно слову.

Таким образом, рече-языковой акт можно описать как обладающий некоей внутренней хронологией, условно делимой на два этапа: начальной фазы потенции, идущей от словообразующих элементов к построенному слову и конечной фазы реализации, идущей от слова к предложению, т.е. от потенциальной единицы к реализованной единице. При этом, если мыслительные операции конечной фазы попадают под сознательное наблюдение говорящего (т.е. если сентенциональный знак конструируется осознанно, на основе произвольного выбора отдельных вариантов из множества имеющихся в потенции), то мыслительные операции начальной фазы, т.е. лексигенеза, совершенно не попадают под такое сознательное наблюдение, будучи полностью завершёнными к моменту акта речи. “Иначе говоря, наряду со словами, уже построенными в голове говорящего, фраза¹ предстаёт в психомеханизме речевой деятельности в виде конструкции, которую надо построить. Так что хронологически слова представляют собой законченные, пройденные, имеющиеся конструкции, тогда как фразы представляют собой построения, которые следует осуществить” [там же, 84,85].

Различие в построении лексического и сентенционального знаков описывается Гийомом и посредством терминов “представление” и “выражение”. Выражение происходит на основе представления, т.е. на основе единиц потенции (слов). Выражаемое есть речь, состоящая из актов выражения, которые по завершении называются единицами реализации. Предложение, следовательно, представляет собой продукт двух последовательных ментальных перехватов - лексического, в результате которого сознанием конструируется единица представления, т.е. обеспечивается рождение слова, и фразового, в результате которого создаются единицы выражения и обеспечивается рождение предложения [там же, 91].

Отметим, что вышеприведённые идеи Гийома относительно генезиса разноуровневых единиц языка оказываются удивительным образом созвучны естественнонаучным представлениям об эволюции живой и мёртвой природы и, в частности, принятому в биологии противопоставлению филогенеза и онтогенеза. Так рецензент книги Гийома физик В. Белошеев в статье, опубликованной на страницах журнала сугубо нелингвистического профиля “Физиология человека”, высоко оценивая общенаучную и общеметодологическую значимость теорий Гийома, ставит ей в параллель некоторые воззрения в теоретической физике и биологии. Интересно, что причины не слишком быстрого распространения идей Гийома в лингвистической среде видятся автору указанной рецензии, с одной стороны, в их новаторстве, а с другой, в естественнонаучном характере используемого Гийомом метода описания языка. Приведём лишь две характерные цитаты из работы В. Белошеева: “Так в языковой системе в условиях неравновесия (немыслимости) из начального хаоса возникает динамическая структура – слово, обеспечивающее языковой системе новый уровень равновесия. И, как видно, характерные этапы этого процесса вполне укладываются в рамки идеализированной схемы описания развития биологических и физических систем” [Белошеев 1996, 141]. Отвечая на вопрос о том, что же даёт такая интерпретация представления Г.Гийома о процессах в языке самой психосистематике, а также другим наукам, решающим свои проблемы филогенеза и онтогенеза, Белошеев пишет: “Прежде всего, она позволяет рассматривать явление языка на основе эволюционной методологии, усиливая общность и значимость последней для анализа всех проявлений жизни с позиций эволюционизма” [там же, 141]. Несомненно, такое мнение дорогого стоит, так как теоретическая лингвистика, которую часто упрекают в умозрительности и бездоказательности своих положений, эти обвинения в свой адрес в данном случае имеет все основания отвергнуть, находя надёжную опору в естественных науках с их экспериментальной базой и верифицируемой методологией.

---

¹ Термин “фраза” используется Гийомом в значении “предложение”.

Таким образом, можно считать, что теория Гийома представляет собой одно из тех ответвлений теории семиозиса, которое мы называем генетическим, иначе и нельзя охарактеризовать тот взгляд на язык, согласно которому “язык состоит из результатов, за которыми для понимания вещей необходимо раскрывать созидательную работу мышления” [Гийом 1992, 135]. Здесь, однако, необходимо сказать о двух моментах, которые не позволяют рассматривать лингвистическую концепцию Гийома в качестве исчерпывающей генетической теории семиозиса. Во-первых, у Гийома мы находим изложение лишь самых общих принципов анализа языкового материала с точки зрения мыслительной динамики его становления без детального применения методики векторного анализа к различным классам лексико-морфологических единиц (частей речи) хотя бы одного (французского) языка. Исключение составляет, пожалуй, лишь французский артикль, описанию семиозиса которого Гийом уделяет достаточно большое внимание. Во-вторых, практически полностью отсутствует описание семиозиса предложения, хотя сама возможность такого описания теорией психосистематики явно предусмотрена, что доказывается исследованием Л.М. Скрелиной концептуальной схемы предложения, выполненным в генетическом разрезе и основанном на применении принципов психосистематики Гийома.

По предположению Л.М. Скрелиной рождение, конструирование предложения обусловлено систематикой в той же степени, что и рождение, конструирование слова. “Иначе говоря, подобно тому как грамматическое оформление слова обуславливается семантическим механизмом инцидентности², относящимся к оперативному времени, так и грамматическое оформление предложения обуславливается семантическим механизмом инцидентности, относящимся к оперативному времени” [Скрелина 1980, 64]. Оперативное время, таким образом, делится на глоссологическое, т.е. необходимое для построения слова и дискурсивное, в ходе которого конструируется предложение. Дискурсивное оперативное время противопоставляется глоссологическому, как измеримое неизмеримому, как осознаваемое неосознаваемому. Осознаваемый характер дискурсивного времени заключается в том, что в нём совершаются операции актуализации и линеаризации уже созданных в глоссологическом времени единиц-слов [там же, 65]. Отсюда видно, что базовые понятия психосистематики вполне приложимы и к теории семиозиса предложения.

Обратим свой взгляд ещё на одну из генетических концепций семиозиса, ставящих в центр исследования именно предложение. Таковая разрабатывалась С.Н. Сыроваткиным, в чьём понимании семиозис, или семиотический процесс, есть “произведение, или суперпозиция, ряда операций перехода от различных систем прообразов к одному образу – языковому знаку” [Сыроваткин 1978, 24]. При этом, как было указано выше, единственным знаком, обладающим статусом реального бытия в языке, считается предложение, а не составляющие его элементы, статус которых определяется как субзнаковый.

Одним из центральных в теории Сыроваткина является понятие семического акта, т.е., по существу, акта конструирования сентенциального знака. Последний обладает - и в этом мы склонны согласиться с автором – двумя модусами бытия: семиотическим и актуальным. С семиотической точки зрения знак рассматривается как элемент семиотической системы языка, а с актуальной – как всякий раз неповторимый и невоспроизводимый семический акт, происходящий в необратимом промежутке времени, и уже потому обладающий свойством уникальности: “о повторении семического акта в принципе не может быть речи, повторённый семический акт – это уже другой семический акт” [там же, 42]. Знак как часть семиотической системы (устойчивой, стабильной, в известной мере статичной, застывшей) – это не совсем то, что знак, как семический акт (высказывание). В последнем случае он, сохраняя системные свойства, приобретает некоторые новые, окказиональные, обусловленные спецификой конкретного речевого акта. В данном случае, по-видимому, имеет место дискурсивное приращение окказиональных смыслов к узуальным языковым значениям знаков и даже их трансформация, модификация и т.п. Эта двойная трактовка статуса знака позволяет Сыроваткину различать соответственно две лингвосемиотические дисциплины – лингвосемиотику языка и лингвосемиотику речи [там же, 25].

Нетрудно заметить, что идея Сыроваткина о двойном модусе бытия знака самым непосредственным образом перекликается с теорией двойного означивания Э. Бенвениста. Язык, согласно мнению французского лингвиста, обладает уникальной способностью к семиотическому и семантическому означиванию, т.е. к означиванию своих единиц как членов виртуальной языковой системы, так и как операциональных сущностей в актуальной речевой деятельности [Бенвенист 1974, 88-89]. Такая двуплановость знаковых единиц языка наталкивает

---

² О природе механизма инцидентности см. [Гийом 1992, 30, 120 – 123, 206].

на мысль о гетерогенности семиотических процессов, ведущих к их образованию. И, действительно, основываясь на теории двойного означивания Бенвениста, А.А. Уфимцева считает правомерным говорить о двух типах, а точнее этапах, семиозиса – первичном и вторичном, соотнося их соответственно с функциями номинации и предикации. Правда, развивает теорию первичного и вторичного семиозиса Уфимцева применительно не к предложению (как можно было бы подумать, исходя из используемого ею термина “функция предикации”), а к слову. Под первичным семиозисом слова, соотносимым с его номинативной функцией, она понимает собственно знакообразовательные процессы, результатом которых является создание виртуальной лексемы; вторичный же семиозис понимается как формирующий предикативный знак, каковым становится номинативный знак в результате его переосмысления и включения в речь [Уфимцева 1985, 8].

Не считая целесообразным использовать термин “предикативный знак” применительно к слову, условимся использовать его для обозначения предложения и именно в отношении предложения как знака, с одной стороны, предикативного, а с другой, коммуникативного будем использовать понятия первичного и вторичного семиозиса. Что же касается слова, то двойной модус его бытия – как абстрактной единицы лексикона и как значимого элемента речевой цепи – не вызывает возражений и, по большому счёту, никем из аналитиков языка не оспаривается. Ведёт ли признание данного факта, однако, к автоматическому признанию правомочности трактовки слова в речи, как продукта вторичного семиозиса? На наш взгляд, нет, и вот почему.

Если бы в речевой деятельности вторичносемиотическому переосмыслению подвергались слова, то взгляд на предложение не мог бы быть иным, кроме как на сумму индивидуальных лексических значений конгломерата слов, из которых оно состоит. Это, в свою очередь, повлекло бы радикальную переоценку стратификационной концепции языка с выдвиганием слова, а не предложения на роль основной единицы коммуникации. Предложение в таком случае вообще перестало бы выделяться в качестве особого уровня организации языка, так как лишилось бы функциональной предназначенности. Неприемлемость такого подхода очевидна. В современной лингвистике стало общим местом неприятие “словоцентрических” концепций предложения, ведущих на практике к отрицанию его интегративного потенциала и заставляющих рассматривать его лишь как совокупность слов, связанных синтаксическими отношениями. Так, от внимания Э. Бенвениста не ускользнул следующий факт: “Сообщение не сводится к простой последовательности единиц, которые допускали бы идентификацию каждая в отдельности; смысл не появляется в результате сложения знаков, а как раз наоборот, смысл (“речевое намерение”) реализуется как целое и разделяется на отдельные “знаки”, какими являются *слова*” [Бенвенист 1974, 68]. Будем поэтому считать, что понятие вторичного семиозиса приложимо к сентенциональным знакам, а не лексическим: модификация семантики слов является следствием их вхождения в состав предложения, каузирующего проявление окказиональной семантики составляющих его единиц на общих семантико-синтаксических и коммуникативно-прагматических основаниях.

Итак, два типа семиотических процессов, протекающих в языке (в широком смысле) суть первичный семиозис и вторичный семиозис. Под первичным семиозисом будем понимать такой семиотический процесс, в результате которого образуется виртуальный знак языка, причём язык рассматривается как бифокальная система с двумя “центрами притяжения” – словом и предложением. Первичный семиозис ведёт к образованию как лексических, так и сентенциональных знаков, причём в последнем случае “в рамках первичного семиозиса одна и та же фраза всеми носителями языка понимается одинаково” [Шингарёва 1987, 11]. Под вторичным семиозисом будем понимать семиотический процесс переосмысления сентенционального знака, уже созданного в ходе первичного семиозиса, как результат приобретения им коммуникативного статуса в дополнение к статусу семиотическому. Стоит ещё раз подчеркнуть, что коль скоро в сфере человеческой коммуникации господствует предложение–высказывание, а отнюдь не слова, то говорить о вторичном семиозисе применительно к лексическим знакам представляется неправомерным.

Из сказанного следует, что в акте первичного семиозиса реализуется одна из возможных моделей предложения, потенцируемых языком. Такая модель предложения может реализовываться в актуальной речи без каких-либо семантических транспозиций в лексическом составе или без нарушения канонической синтагматики его членов. Иначе говоря, слова в таких предложениях выступают в своих основных, прямых, узальных значениях и синтаксизируются в соответствии с каноническими нормами семантической комбинаторики. Результатом первичного семиозиса могут явиться такие речевые формы, как детские рассказы, дидактические тексты и т.п. [Шингарёва 1987, 12]. Интересно отметить, каким образом, по мнению В.Я. Шабеса у человека формируется способность к первичному семиозису в

онтогенезе: "... и взрослый, и ребёнок параллельно во времени фокусируют внимание на одном и том же фрагменте движущегося реального мира, причём взрослый здесь же осуществляет номинацию этой сцены предложением (набором предложений–трансформов), а ребёнок, синхронно наблюдая сцену и слушая комментарий взрослого, реализует первичный семиозис в виде знака со сторонами типа "сцена" – "предложение" " [Шабес 1989,16].

Феномен вторичного семиозиса имеет место тогда, когда мы имеем дело с предложением–высказыванием, причём не всяким, а таким, в котором лексемный состав или его часть употребляется вне прямых, переносных значениях, либо/и нарушаются канонизированные правила семантической комбинаторики имён. Думается, что для реального речевого высказывания, продуцируемого в ходе живой человеческой коммуникации, такая ситуация достаточно типична, т.к. высказывание релятивизировано относительно говорящего и слушающего, коммуникативного акта, речевого и неречевого контекста [Касевич 1988, 96], а наличие этих факторов с большой степенью вероятности ведёт к возникновению различных импликаций, подтекста, метафоризации, метонимизации и т.п. – т.е. всего того, в чём находит своё проявление вторичный семиозис. При вторичном семиозисе изначальная конгруэнтность двух сторон знака (пользуясь терминологией В.Я. Шабеса, сцены и предложения–высказывания) нарушается, причём нарушение может происходить как за счёт варьирования десигнатора при сохранённом десигнате (например, при эвфемистической номинации события), так и за счёт варьирования десигната при идентичном десигнаторе (напр., при выражении иронии или сарказма).

Подведём некоторые итоги. Из двух концепций семиозиса (условно говоря, денотативной и генетической) нами была рассмотрена последняя как наименее разработанная, но наиболее интересная в теоретическом плане. Согласно ей семиозис есть ментальный процесс, ведущий к конструированию языкового знака. По признаку результата семиозис бывает лексическим и синтаксическим. Синтаксический семиозис по признаку наличия/отсутствия изначальной конгруэнтности между двумя сторонами знака бывает первичным и вторичным. При описании недостаточно ясного пока механизма акта семиозиса первостепенное значение приобретает анализ таких сущностей, как время и алгоритм ментальных операций, что может представлять собой дальнейшую исследовательскую перспективу.

Литература

1. Москальская О.И. Проблемы системного описания синтаксиса (на материале немецкого языка). – М.: Высшая школа, 1981.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990.
3. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. – М.: Наука, 1976.
4. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1977.
5. Исаченко А.В. О грамматическом значении // Вопросы языкознания. – 1961. - № 1.
6. Сыроваткин С.Н. Теория перевода в аспекте функциональной лингвосомиотики. – Калинин: Изд-во Калининского гос. ун-та, 1978.
7. Арутюнова Н.Д. О номинативном аспекте предложения // Вопросы языкознания. – 1971. - № 6.
8. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. – М.: Наука, 1986.
9. Гак В.Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики 1972. – М.: Наука, 1973.
10. Степанов Ю.С. В трёхмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. - М.: Наука, 1985.
11. Мартынов В.В. Категории языка: Семиологический аспект. – М.: Наука, 1982.
12. Шингарёва Е.А. Семиотические основы лингвистической информатики. – Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1987.
13. Ибраев Л.И. Надзнаковость языка // Вопросы языкознания. – 1981. - № 1.
14. Ибраев Л.И. К проблеме генезиса знаков и их классификации // Философские науки. – 1984. - № 5.
15. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. – М.: Прогресс, 1992.
16. Белошеев В.П. Стохастическая интерпретация психосистематики Гюстава Гийома // Физиология человека. – 1996. – Т.22, № 2.

17. Скредина Л.М. О концептуальной схеме предложения // Проблемы синтаксиса простого предложения: Межвуз. сб. науч. тр. / Науч. ред. Л.М. Скредина. – Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1980.
18. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974.
19. Уфимцева А.А. Семиологический принцип исследования лексики // Семантические категории языка и методы их изучения. 1 часть: Тезисы докл. всесоюзн. науч. конференции / Отв. ред. Л.М. Васильев. – Уфа, 1985.
20. Шабес В.Я. Событие и текст: Моногр. – М.: Высшая школа, 1989.
21. Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. – М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва “Наука”, 1988.